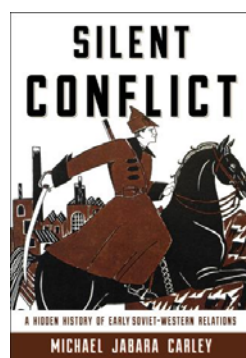

[Главная](#)
[Номер](#)
[Новости](#)
[Анонсы](#)
[Архив](#)
[Библиотека](#)
[Ссылки](#)
[Редакция](#)

Carley, Michael Jabara.
Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham: Rowman & Littlefield, 2014. 478 pp., ill., selected bibliography, index. ISBN 978-1-4422-2585-5.

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ В ПЕРИОД 1917 — 1930 гг.: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД КАНАДСКОГО ИСТОРИКА И ЕГО МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЗОНАНС

Новое монографическое исследование профессора Монреальского университета М.Дж.Карли [1] представляет собой образец непредвзятого и объективного подхода к истории начального этапа советской внешней политики. Это обусловлено прежде всего тем, что в своём изложении он опирается не на сложившиеся на Западе штампы, а на изученный им огромный массив первоисточников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Советские политики и дипломаты «заговорят с тобой, читатель, со страниц документов — записок, писем, докладов, которые они оставили после себя и которые были сохранены в российских архивах... Они заговорят с тобой прямо, а не через посредников», — пишет автор в предисловии к своему труду. Такими «посредниками», отмечает он, поначалу были западные официальные лица, «которые ненавидели большевиков и всё, что те делали», а затем те западные историки, что предпочитали рассматривать советскую реальность «через призму антикоммунизма, дававшую искажённую картину советских мотивов и целей». Эти историки, заключает Карли, «зачастую просто воспринимали предрассудки западных исторических персонажей, выступая в качестве их адвокатов, либо выдавая их взгляды за реальные факты» (с. xii — xiii).

Автор приводит и ряд конкретных примеров, подтверждающих его критическую оценку творчества своих предшественников: игнорирование русскоязычных источников у одних, а у других — либо искусственное разделение советских дипломатов на «прогерманскую, пробританскую и профранцузскую фракции», либо, напротив, сведение позиций всех без исключения советских политиков и дипломатов к «сюрреалистичной» идеологической догме о враждебном Западе. Собственные свои взгляды Карли формулирует со всей определённой. По поводу первого тезиса: «Позиция советских дипломатов не была, к примеру, прогерманской или пробританской, она была просоветской, и они рассматривали отношения со странами Запада согласно своим оценкам российских национальных интересов» (с. xiii). По поводу второго: «Советское представление о враждебном капиталистическом мире не было ни в малейшей степени «сюрреалистичным». Западные державы были преисполнены решимости уничтожить советскую власть; у них просто не оказалось средств, чтобы исполнить это намерение» (с. xiv).

Выходя за хронологические рамки данного труда, Карли резко критикует попытки поставить на одну доску СССР и фашистскую Германию: «Западные историки традиционно пишут о нацистско-советском "союзе", хотя никакого союза не было». Ещё более резкой оценке он подвергает недавние попытки такого рода, исходящие от политиков: «В 2009 году Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе приняла резолюцию, "приравнивающую роль СССР и роли нацистской Германии в начале второй мировой войны"».

**Филитов Алексей
 Митрофанович**
 д.и.н., профессор,
 главный научный

сотрудник ИВИ РАН

Главная идея заключалась в том, чтобы очернить правительство России и особенно её президента, Владимира Путина, которого в западной прессе рисуют в образе советского ретрограда с серпом и молотом во взоре. Резолюция представляла собой нелепый, политически мотивированный вздор» (там же).

Основное содержание книги раскрыто в 13 главах. Первые три посвящены периоду 1917 — 1923 гг., в четвёртой и пятой главах речь идёт о становлении отношений между Советской Россией и ведущими европейскими странами — Великобританией, Францией и Германией в 1924 — 1925 гг., в шестой главе — о влиянии революционных событий в Китае на отношения СССР с западными державами в тот же период; тема седьмой главы — «Враждебное сосуществование с Лондоном и Вашингтоном» в 1925 — 1926 гг., тема восьмой — советско-германские отношения в условиях упрочения политики Рапалло (1925 — 1927 гг.); девятая и десятая главы посвящены кризисам, соответственно, в советско- британских и советско-французских отношениях в 1925 — 1927 гг., в одиннадцатой даётся общий очерк отношений СССР со странами Запада в 1927 — 1930 гг., которые характеризуются как период «вялого сосуществования», в двенадцатой автор возвращается к теме рапальской политики, прослеживая её развитие в советско- германских отношениях конца 20-х годов, и в заключительной, тринадцатой главе, формулирует главные итоги своего исследования.

В освещении истории отношений советского государства с Германией и США, а также событий в Китае, Карли в большей степени ориентируется на материалы недавно изданных в России документальных сборников, что же касается советско-британских и советско-французских отношений, то основная часть источникового материала — это результат его самостоятельного поиска в российских архивах. Автор провёл также большую исследовательскую работу в архивах Великобритании, Франции и США.

В частности, он сумел обнаружить материалы слежки за аккредитованными в Лондоне посольствами зарубежных стран, которая осуществлялась британской «Школой кодирования и шифровки». Эта организация, с явным сарказмом пишет Карли, «проявила поистине экстраординарный талант во взломе дипломатических кодов, что позволило ей читать секретные телеграммы, которыми обменивались, в частности, Вашингтон, Париж, Рим и Москва со своими посольствами в Лондоне. Эта "школа", официальное название которой призвано было скрыть её реальную деятельность по взлому иностранных шифров, была формально основана в конце 1918 года, и к тому времени, как утверждалось, уже было расшифровано пятьдесят два дипломатических кода. Благодаря этому, Форин Офис получил большое преимущество в сношениях с другими государствами, поскольку мог читать их секретную переписку. Это было всё равно, что читать чужие мысли, причём для британских взломщиков кодов было всё равно, о ком шла речь — о друге или о противнике» (с. 125). Впрочем, полученные автором расшифровки не представляют особой ценности в плане раскрытия какой-либо новой информации о советской политике и советско-британских отношениях.

Гораздо больше нового он извлёк из служебной переписки между чиновниками Форин офис и записей их бесед с советскими дипломатами (что касается последних, то наиболее аутентичными оказались те из них, которые делались советской стороной; английские собеседники, как отмечает Карли, порой не фиксировали собственные высказывания, особенно в тех случаях, когда они признавали определённые издержки собственной политики).

В книге приводятся различные, порой противоречивые оценки тех или иных западных политиков и дипломатов, которые давались их современниками и партнёрами. Некоторые из этих оценок автор вполне определённо поддерживает, в частности, те, что относятся к более позитивной характеристике британского министра иностранных дел О.Чемберлена. По мнению Карли, его резкие выпады по адресу СССР объяснялись давлением на него крайних антисоветчиков в его окружении, из которых особую роль играла «тройка твердолобых» в лице Ф.Биркенхеда, У.Черчилля и У.Джоунс-Хикса: «Эти тори испытывали ненависть к СССР по принципиальным соображениям, и эти чувства ещё более усиливались по причине краха британских интересов в Китае. Они считали, что они могут запугать большевиков и заставить

их капитулировать на британских условиях. Чемберлен был не столь в этом уверен и предпочитал, по крайней мере, более осторожный, менее конфронтационный политический курс. В этом ему противостояла оппозиция со стороны не только твердолобых, но и сторонников жёсткой линии среди чиновников Форин офиса» (с. 188).

Аналогичного мнения, считает Карли, придерживались и в советском НКВД: «В начале 1927 г. Литвинов во время встречи с французским послом Эрбеттом заявлял, что он не одобряет нападок на Чемберлена в (советской) прессе, поскольку ему очевидна "умеренность" британского министра иностранных дел» (с. 273; даётся ссылка на соответствующий документ из Архива министерства иностранных дел Франции; к сожалению, не приводится советская запись беседы). Чаще, впрочем, автор воздерживается от однозначного выбора той или иной из имеющихся оценок различных персонажей западного дипломатического сообщества, предоставляя сделать такой выбор самому читателю.

Крайне жёсткой критике в книге подвергается политика США. По мнению Карли, нарком Чичерин был «наивен», считая Соединённые Штаты более демократическим обществом по сравнению с Францией или Англией: «Американский капитализм был столь же жёстким и беспощадным, как и его европейские разновидности, а, возможно, даже и превосходил их в этом отношении, поскольку в Соединённых Штатах не было сильной социалистической партии, которая играла бы роль тормоза для капиталистической элиты» (с. 33).

Для характеристики советской внешней политики Карли избирает концепцию о постоянном конфликте между «прагматиками» и «идеологами» — или, как он это образно формулирует, используя словотворчество германского посла У. Брокдорф-Ранцау, — «товарищами Наркоминдельским и Коминтерновским» (с. 95, 225). К числу первых он относит руководителей НКВД — Чичерина и Литвинова, а также дипломатов, среди которых чаще других упоминаются имена Красина, Крестинского и Раковского, к числу вторых — руководителей Коминтерна Зиновьева и Бухарина, а также сталинского «любимца» — наркома обороны Ворошилова. Фигура самого Сталина подаётся в менее однозначном ключе: вначале он был «идеологом» и жёстко полемизировал со взглядами Литвинова, а затем перешёл на позиции «прагматиков». «Что касается Сталина, — пишет Карли в заключительной главе книги, — то он, как представляется, извлёк уроки из своих ошибок, по крайней мере, некоторых из них» (с. 423).

Монография Карли в некоторых своих фрагментах может вызывать определённые возражения. Это касается, в частности, отождествления прагматизма советской внешней политики при её характеристике с понятием «макиавеллизма». Не вполне удачно название работы. «Молчаливый конфликт» — это приблизительный перевод формулы о «молчаливом споре», которая, как отмечает сам Карли (с. xiv), принадлежит Литвинову, и которую тот использовал для характеристики советско-американских отношений 20-х годов, когда диалог между обеими странами на официальном уровне фактически отсутствовал. Однако с другими странами такой диалог был, хотя, порой, и весьма конфликтный, но этот конфликт никак не может быть назван «молчаливым». С другой стороны, канадский историк использует литвиновскую формулу и для характеристики подспудных противоречий внутри внешнеполитических аппаратов у обеих сторон, что в принципе более оправдано, но это совсем не то, что имел в виду Литвинов.

Небезупречен и подзаголовок книги: точнее было бы сказать об отношениях между советской страной и западными державами, поскольку отношения с её непосредственными западными соседями — Польшей, странами Балтии, Румынией практически не затрагиваются. Наконец, следует отметить, что, используя достаточно широко российские сборники документов, автор меньше внимания уделил анализу современной российской историографии.

В целом, однако, налицо выдающийся труд, который жёстко и аргументированно противостоит потоку стандартной продукции западных советологов.

Ещё до выхода книги Карли американский электронный портал, специализирующийся на рецензировании новых публикаций по истории международных отношений и дипломатии, анонсировал «круглый стол», посвящённый её обсуждению. К участию в нём был приглашен и автор этих строк. В ноябре 2014 г. материалы этого обсуждения были опубликованы.[2]

Весьма показательно, что автор вводной статьи, профессор Бостонского университета У.Кейлор (William Keylor) начинает её с постановки вопросов, относящихся не к истории, а к современной политике. Отдав дань стандартной на Западе риторике о российской «аннексии Крыма» и «давлении на Украину», Кейлор отмечает: «Специалисты по внешнеполитическим проблемам на Западе спорят по поводу истинных мотивов, побудивших нынешнего сильного человека России предпринять этот комплекс смелых внешнеполитических акций. Являет ли он собой реалиста- прагматика, защищающего жизненные национальные интересы своей страны против Европейского Союза, за которым стоят США, и который имеет целью путём сладкоголосых посулов прелестей рыночного капитализма и политической демократии вовлечь Украину в западную орбиту без учёта интересов России? Или он воплощает в себе образ идеолога-руссофила, которым движет мессианская вера в необходимость расширения границ своей страны максимально дальше на Запад?» (с. 2). Этот спор, пишет далее Кейлор, отнюдь не нов, он продолжает собой дискуссию о происхождении холодной войны, где сталкиваются «историки-ортодоксы», защищавшие политику Трумэна и кеннановскую доктрину «сдерживания», и «ревизионисты», которые изображали Сталина в виде «реалиста- прагматика, который следовал традиционным целям российской политики, лишь на словах поддерживая риторикой о мировой революции». К числу таких «ревизионистов» относится, по его мнению, и Карли, что проявлялось в его предыдущем творчестве и в полной мере отразилось в новом его труде.

Автор введения сочувственно излагает аргументы двух западных участников «круглого стола» — британских историков Ричарда Овери (Richard Overy) и Джонатана Хэслама (Jonathan Haslam), которые весьма критически оценивают взгляды Карли на советскую внешнюю политику.

Кейлор, в частности, поддерживает следующие рассуждения Овери: поскольку главным органом принятия решений в советском государстве было Политбюро, а руководители Наркоминдела не были его членами, то «правомерен вопрос: почему их роль заслуживает такого большого внимания, которое ей уделяет Карли?»; «Карли слишком сильно преуменьшает роль идеологии, делая слишком большой упор на путаницу, гибкость и макиавеллизм режима» (с. 3). Сам автор введения считает, что в применении к советской внешней политике следует говорить не столько о «молчаливом конфликте» между «идеологами» и «прагматиками», сколько о «разногласиях по тактике» для достижения «конечной стратегической цели господства коммунизма во всем мире» (с. 4).

Не возражает Кейлор и против тезисов автора второй рецензии — Хэслама, который заявляет, что для советской стороны «дипломатия была второстепенным орудием политики, запасным колесом, которое использовалось, когда проваливалась основная политика» и который берет под защиту самых ярких антисоветчиков типа британских «твердолобых» (там же).

Косвенной критикой в адрес слишком одномерного противопоставления монолита-агрессора в лице советского государства и монолита-жертвы агрессора в лице западных демократий можно считать краткие комментарии Кейлора по поводу рецензии российского автора: «Не лишено иронии то обстоятельство, что Алексей Филитов, единственный российский участник данного форума, оказался и единственным, кто сфокусировал внимание на те разделы книги Карли, в которых рассмотрен "молчаливый конфликт" внутри внешнеполитических министерств трёх западных держав, о которых идёт речь в книге» (там же). Кейлор без комментария отмечает противоречие между российским и британским рецензентами в оценке полноты использования канадским историком российских архивов («Филитов выражает восхищение успехами Карли в освоении мидовского и партийного архивов, тогда как Хэслам — сожаление, что он лишь очень поверхностно затронул документы Коминтерна» (с. 5).

Собственный вывод автора введения к форуму сводится к следующему: «Несмотря на разного рода оговорки, все три комментатора признают, что налицо выдающийся подвиг: проведено исследование первоисточников на трёх языках, что делает книгу Карли незаменимым чтением для любого, кто заинтересуется изучением отношения Советского Союза с тремя главными капиталистическими странами [3] от начала большевистской революции до конца 20-х годов» (с. 5).

Подробное изложение материалов форума превысило бы рамки данного материала. Можно отметить, что критическая рецензия Овери всё же носит более сбалансированный характер, чем текст Хэслама, который не избегает и личных нападок на рецензируемого автора и рассуждений на посторонние темы, не относящиеся к оценке книги Карли и призванные только лишней раз уязвить современную Россию.

Реагируя на отзывы рецензентов, сам автор монографии в своём заключительном слове на форуме подтверждает свои позиции по основным вопросам. Отвечая Хэсламу, он заявляет, что «не было никакой монолитной «марксистско-ленинской» линии, которая сковывала бы советскую политику, оттесняя на второй план традиционные российские национальные интересы». Не менее чётко его ответ второму британскому оппоненту: «Овери спрашивает: зачем Сталину было наращивать советскую мощь, если не для революционных целей? Сталин сам дал ответ в своей знаменитой, часто цитируемой речи 1931 года. Мы отстали от Запада на 50 или 100 лет, заявлял Сталин, если мы не догоним его за десять лет, нас сомнут, разобьют, как били Россию раз за разом в прошлом. В свете того, что последовало ровно через десять лет — Вторая мировая война и немецкое вторжение — эти слова не могут оставаться незамеченными историком» (с. 25). Отвечая автору этих строк, который в своей рецензии выразил пожелание более чётко определить отношение к «первому лицу» в советской политике, Карли пишет: «Так как же оценивать Сталина? Кто был его подлинный фаворит — товарищ Коминтерновский или товарищ Наркоминдельский? В конечном счёте, я, как это заметил Филитов, не делаю категорических выводов, но я и не уваливаю от ответа. После устранения своих соперников в конце 20-х годов, как я отмечал, "Сталин, казалось, стал более расположен к тому, чтобы выступить за более разумную внешнюю политику"» (с. 26).

Своё заключительное слово Карли завершает впечатлениями о своем новом визите в Москву в октябре — ноябре 2014 г.: «Я только что побывал в Москве, чтобы снова попытаться счастья в АВП РФ. Архивисты обещали познакомить меня с новыми документами, и они целиком и полностью сдержали своё слово. Я готовлюсь приступить к новой книге, которую я давно хотел написать, — о возникновении Великого Союза (антигитлеровской коалиции — А.Ф.). Она будет охватывать период с начала тридцатых до 1942 года или около того, основываясь на том и развивая то, над чем я работал последние двадцать пять лет» (с. 27).

Результаты дискуссии показали наличие острых противоречий среди западных историков по вопросу об оценке отношений, которые складывались между молодым советским государством и внешним миром. Столкновение традиционных, антисоветских и антироссийских оценок с новыми, более приближающимися к исторической истине, показало силу и перспективность последних.

**А.М. Филитов,
д.и.н., профессор,
главный научный сотрудник ИВИ РАН**

Примечания

Материал подготовлен автором в рамках исследований по гранту РФНФ № 13-01-00-0035.

[1] Carley, Michael Jabara. Silent Conflict. A Hidden History of Early Soviet-Western Relations.

Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2014, XVI + 445 pp. Ранее Карли опубликовал монографии об участии Франции в интервенции против советской России и о срыве западными державами попыток формирования антигитлеровского союза накануне Второй мировой войны. См.: *Idem*. *Revolution & Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917 — 1919*. Montreal, 1983; *Idem*. *1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War Two*. Chicago, 1999.

[2] H-Diplo Roundtable Review (h-diplo.org/roundtables), vol. XVI, No. 10 (2014), 17 November 2014 (далее приводятся страницы опубликованной электронной версии «круглого стола»)

[3] Фактически, речь идёт об отношениях с четырьмя такими странами — Англией, Францией, Германией и США.

[Главная](#) | [Номер](#) | [Новости](#) | [Анонсы](#) | [Архив](#) | [Библиотека](#) | [Ссылки](#) | [Редакция](#)

© 2014 «Мир истории»

